

МИГРАЦИИ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ

УДК 930.27:94(470)"12/15"

doi: 10.17072/2219-3111-2017-1-129-135

НОВГОРОДСКАЯ ЭКСПАНСИЯ НА ВОСТОК В XII–XV ВЕКАХ

В. В. Менщиков, Н. В. Перцев

Курганский государственный университет, 640020, Курган, ул. Советская, 63

vmen1@yandex.ru

pertsev1991@list.ru

Рассматриваются походы новгородцев в Югру в XII–XV вв. Принято считать, что одной из причин этого было удачное географическое расположение Новгорода, позволяющее ему наладить торговлю с западноевропейскими государствами. Конкретно-исторический анализ был осуществлен на основе изучения русских летописей, а также дореволюционной, советской и современной историографии. Исследуется конкуренция Новгорода с другими участниками пушной торговли (Волжская Булгария, Москва, немецкие и арабские купцы). До XIV в. спрос европейского рынка на мех удовлетворялся собственными новгородскими ресурсами. Экологический кризис и одновременное изменение спроса с XIV в. толкали новгородцев к поиску новых источников пушнины. Югра, формально являясь подчиненной Новгороду территорией, время от времени подвергалась военной агрессии со стороны новгородцев. Причины такой агрессии – экономические и политические кризисы в Новгороде. Со второй половины XV в. Югра входит в зону интересов Московского княжества, при этом цели Москвы не отличались от новгородских – поставить транзит пушнины под свой контроль. Делается вывод о том, что одной из причин восточной экспансии Новгорода были периодические внутренние кризисы, разрешение которых новгородцы видели в поиске внешних ресурсов.

Ключевые слова: Новгород, Югра, пушная торговля, летописи.

Новгородская республика была богатейшей землей на Руси в период раздробленности. Принято считать, что одной из причин этого было удачное географическое расположение, позволяющее Новгороду наладить торговлю с западноевропейскими государствами [Хорошкевич, 1963, с. 45]. Еще одна причина – специфические отношения Новгорода с Ордой, так как «северный страж» благодаря деятельности Александра Ярославича не был вовлечен в систему монгольской зависимости. По оценкам некоторых исследователей, «откуп, который Новгород платил Орде, являлся совсем небольшой платой за привилегии в торговле на Востоке» [Костомаров, 1886, т. 2, с. 202, 210–211]. Единственными конкурентами северного города в этой области можно считать города Жукотин и в особенности Булгар. Однако в XIV в. древний Булгар переживает упадок, что дает основание говорить о Новгороде как лидере волжской торговли. В целом покровительство Орды было выгодно для политики Новгорода с учетом того, что город оставался единственным фактически свободным политическим центром Руси.

Главным предметом экспорта Новгорода на протяжении XII–XV вв. была пушнина [Эткинд, 2013, с. 109; Хорошкевич, 1963, с. 47]. Однако если в ранний период новгородцы вполне обходились «рухлядью», добываемой в пределах своей территории в качестве дани с подвластного населения (и в основном представленной беличьими шкурками) [Хорошкевич, 1963, с. 47], то в XIV в. ситуация начинает меняться, что, возможно, связано с оскудением новгородских лесов [Там же, с. 48]. Кроме того, на рубеже XIV и XV вв. изменяется и спрос на европейских рынках – все больший интерес проявляется к другим мехам (куница, соболь, горностай) [Эткинд, 2013, с. 113].

Экологический кризис и одновременное изменение спроса толкали новгородцев искать новые источники получения пушнины. Именно в это время внимание купцов приковывает так называемая Югра. Следует оговориться, что мы не ставили перед собой задачи точной локализации территории Югры. Условно определим ее как территорию, расположенную к северо-востоку от новгородской земли и, возможно, «расширяющуюся» на восток по мере продвижения новгородцев.

Мы полагаем, что Югра, формально являясь подчиненной Новгороду территорией, время от времени подвергалась военной агрессии со стороны новгородцев. Причины такой агрессии видятся

в экономических и политических кризисах в республике. В обычное время Новгород обходился продуктами торговли с Югрой и, возможно, небольшой пушной данью, в периоды же упадка ему требовались новые источники ресурсов, что, на наш взгляд, и заставляло новгородцев продвигаться далее на восток. Заметим, что даже после потери Новгородом независимости эти территории продолжали именоваться новгородскими (ПСРЛ, 1959, т. 26, с. 291), хотя такое подчинение кажется формальным: сборщики дани постоянно сталкивались с сопротивлением, «югра» вела активную торговлю с Булгарией, а через нее с арабскими государствами [Тизенгаузен, 1884, с. 240], а местные князья по возможности стремились избавиться от новгородского покровительства, строили города и создавали свою иерархию.

Напомним, что данная территория была известна и в более ранний период: в начале XII в. в летописях появляется «Рассказ Гуряты Роговича» [Лихачев, 1996, с. 346], в котором описывается народ Югра и процесс обмена товаров на северную пушнину (ПСРЛ, 1926, т. 1, с. 263). Поход 1096 г., отраженный в «Рассказе», может быть расценен как разведывательный (речь ведется о «Диве дивном»): описываются маршрут, обычаи народа, с которым ведется торг и многое другое). Однако нельзя не согласиться с тем, что уже в этот период новгородцы начинают навязывать торговые отношения туземцам (причем речь вряд ли идет о пресловутой немой торговле, так как изображенный процесс подразумевает прямой контакт купцов «просяще железа и кто даст имь ножь и секиру дають скорою противу») (Там же).

Возможно, столь раннее упоминание Югры в летописях связано с переориентацией новгородской торговли на Запад, вызванной началом противостояния Новгорода Киеву, в ходе которого Киев объявил торговую блокаду и отрезал северные территории от южных товаров [Рыбина, 1978, с. 46]. К сожалению, мы не располагаем письменными источниками, касающимися торговых связей Новгорода в этот период, однако можно предположить, что в конце XI в. такие связи уже были. По мнению Е. А. Рыбиной, на рубеже XI и XII вв. устанавливаются прочные торговые отношения с Готландом, Любеком, Данией и Швецией [Там же, с. 56]. Археологические материалы позволяют судить о европейском импорте (в первую очередь тканей) в северорусские земли [Янин, 2008, с. 363]. В предшествующее время в Новгороде происходят изменения в системе денежного обращения, вызванные прекращением поставок на Русь арабского серебра [Там же, с. 35]. Начинается чеканка монеты из скопившегося за предыдущее время металла. Таким образом, у новгородцев должна появиться потребность в новых источниках серебра, которые могла обеспечить внешняя торговля с Западом. Судя по всему, такая ситуация и является главной движущей силой проникновения новгородцев на восток. Замечание в летописном отрывке, касающееся расположения Югры: «и седять с Самоядью на полунощных странах», говорит о восточном направлении их деятельности.

Н. Костомаров, ссылаясь на хронографы XVI–XVII вв., описывает «сказку», по которой ильменьские словене совершали походы на данную территорию еще до основания Новгорода [Костомаров, 1886, с. 24]. Появление таких «сказок», как нам кажется, характеризует значимость восточного направления для Новгорода. В тексте сказания «О неизвестных человецех в Восточной стране» есть упоминание Югры [Плигузов, 1993, с. 28]. Условная датировка «Сказания» – XIV– середина XVI в. [Там же, с. 30].

В тексте «Югорского дорожника» С. Герберштейна «теми, кто составлял этот дорожник» [Герберштейн, 2008, с. 157], также был описан маршрут, более длинный и трудный, основанный на традиционном пути новгородцев [Там же, с. 156–157], в то время как Югра уже была подчинена Москве: «Они выплачивают дань мехами...» [Там же, с. 163]. Еще с 1485 г. к титулу московского князя добавляется определение «Югорский» (ПСРЛ, 1959, т. 26, с. 286). Сам посол был проинформирован о том, что москвичи пользуются другой дорогой – «весьма торной и кратчайшей», однако в его распоряжении был только этот маршрут. На наш взгляд, такая ситуация может быть объяснена противоречиями между Новгородом и Москвой, сохранившимися даже после утраты новгородцами независимости. Несомненно, пальма первенства в деле освоения уральских территорий принадлежит Новгороду, поэтому могла появиться традиция все эти территории именовать новгородскими. Маршрутник, попавший к Герберштейну, заведомо указывает путь в обход земель, уже принадлежащих Москве. Следовательно, напрашивается вывод о том, что новгородцы не прекращают попыток поставить Югру под свой контроль.

Заметим, что появление «сказок» в русских хронографах и «Сказаниях», судя по всему, синхронны. Таким образом, значимость югорского направления во внешней политике Новгорода, а затем и Москвы хорошо прослеживается в источниках.

Отметим еще одно обстоятельство. «Рассказ Гуряты Роговича», записанный со слов самого Гуряты (новгородского посадника периода Мстислава Владимировича [Янин, 2008, с. 52]), был вставлен в летопись при редактировании в 1118 г. [Лихачев, 1996, с. 346], как раз в год кульминации конфликта новгородцев с Владимиром Мономахом [Янин, 2008, с. 50]. Возможно, между этими событиями существует связь: причиной расправы киевского князя над новгородскими боярами стало своеволие аристократии и ее возвышение над княжеским ставленником [Там же, с. 51], следовательно, летописи могли подчеркивать исключительное положение Новгорода и указывать на возможность его автономии. В целом мы можем констатировать, что первое упоминание Югры в русских летописях не случайно совпадает с постепенно нарастающими проблемами в Новгороде.

Не менее интересны походы новгородцев 1187 и 1193 гг. (ПСРЛ, 1888, т. 3, с. 161, 166–169), причем первый из них совершен накануне подписания торгового соглашения князя Ярослава Владимировича с Готским берегом (1189 г.), а второй – сразу после завершения переговоров (Грамоты Великого..., 1949, с. 55). В грамоте Великого Новгорода помимо прочего оговаривались права новгородских и немецких купцов и подтверждались ранее достигнутые положения («потвердихомъ мира старого»). Кроме того, мы можем судить и об изменении характера походов в Югру: сразу после подписания одного из первых соглашений новгородцы встречают отпор со стороны туземцев (новгородские рати были разбиты – «избиене быша Печерские и Югърские в земле Печерской») (ПСРЛ, 1888, т. 3, с. 161). Реконструкция событий может быть такова: получив возможность свободной торговли, новгородские купцы затребовали больше ценной пушнины с востока, а посему решили колонизовать эту территорию, и мирные торговые экспедиции сменились на военное вторжение, что вызвало сопротивление Югры.

С этого времени хождения русских купцов приобретают характер военных набегов, в результате которых с побежденных собирали дань (откуп) пушниной.

О походе 1193 г. говорится следующее: «Въ то же льто (6701) идоша из Новагорода въ Югру ратию съ воеводоу Ядреом, и придоша въ Югру, и взяша городъ; и придоша къ другому граду, и затворишася въ градъ, и стояша под городом 5 недель; и выслася къ нимъ Югра, льстьюю рекуще тако, яко "копимъ сребро и соболи и на узорчья, а не губите своих смерть и своей дани", а льстяще ими, а въе копяче; и яко скопиша вое, и выслася из города къ воеводъ: поиди въ город, пое мь съсобою мужъ вячьшихъ. И иде въ городъ воевода, поимя съ собою попа Иванка Легена и инъхъ вячьшихъ, иськоша я накануне святяга Варвары; и выслася паки, и пояша ихъ 30 мужъ вячьших, и тьхъ иськоша; и потом 50 ...» (ПСРЛ, 1888, т. 3, с. 166–169). Как видим, новгородцы пытаются подчинить себе эти территории.

В целом такие попытки начинают носить системный характер и объясняются конкретной исторической ситуацией, в которой Новгороду были необходимы источники ценной на европейских рынках пушнины. Это становится еще более явным в условиях удельной раздробленности Руси, когда такие источники оказываются залогом экономического суверенитета новгородцев.

В грамотах 1265 г., данных новгородцами великому князю Ярославу Ярославовичу, при перечислении новгородских владений опять упоминается Югра (Договорная грамота..., 1813, с. 26–27). Новгородцы (как сказано в описании похода 1193 г.) начинают вывоз мехов (соболиных и куньих), золота, серебра и узорочий. Однако нет оснований полагать, что новгородцам удалось полностью монополизировать пушную торговлю. Об этом косвенно можно судить по частым военным походам и их численности (80 боярских детей и удалых людей убито только в походе 1445 г.). Очевидно, что масштаб действий новгородцев говорит о безрезультатности попыток полностью подчинить себе Югру, а под данью имеется в виду скорее всего нерегулярные выплаты Новгороду, для осуществления которых (как и для подтверждения статуса «торговой фактории») и были необходимы такие походы.

Может показаться странным то, что кроме меха новгородцы вывозят золото и прочее, однако не стоит забывать, что рассматриваемый регион до XIII в. являлся одним из основных рынков сбыта товаров для Волжской Болгарии. Ее купцы обменивали свои высококачественные товары (в том числе ювелирные изделия) на пушнину для дальнейшей реализации её на рынках Востока [Федорова, 2002, с. 99], чему пытался противиться Новгород, не желавший утратить свою монополию.

О торговле с востоком можно судить по многочисленным арабским археологическим материалам, обнаруженным на обширной территории Русского Севера. Это ювелирные изделия, золотоордынская торовтика, серебряные чаши сасанидского и согдийского стиля, пастовые, стеклянные и хрустальные бусы; в погребении могильника Сайгатинский III был даже обнаружен обрывок шерстяного ковра и многое другое [Там же, с. 97]. Другим свидетельством таких сношений являются многочисленные упоминания о Югре в арабских источниках. Так, в сочинении Ал-Гарнати «Ясное изложение некоторых чудес Магриба, или выборка воспоминаний о чудесах стран», посетившего Волжскую Булгарию в середине XII в., есть следующая информация: «И привозят люди мечи <...> не приделывая рукояти и без украшений, одно только железо, как оно выходит из огня <...> И эти мечи как раз те, которые годятся, что бы вести в Йуру. А у жителей Йуру нет войны, и нет у них ни верховых, ни выючных животных – только огромные деревья и леса, в которых много меда, и соболей у них очень много, а мясо соболей они едят» [Ал-Гарнати, 2009, с. 141–142]. Далее идет описание процесса обмена арабских товаров на пушнину, причем в данном случае речь ведется о «немой торговле» [Там же].

В более поздних заметках арабского ученого Аль-Омари, относящихся к первой половине XIV в., есть замечание о торговле с Югрой: «Купцы наших стран, говорил Номан, не забираются дальше города Булгара; купцы Булгарские ездят до Чулымана, а Чулыманские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера» (Сборник материалов..., 1884, с. 240). Под «купцами Чулыманскими» следует понимать, по мнению В.В. Напольских, купцов из усилившихся городов нижнего Прикамья, прежде всего Казани [Напольских, 2006, с. 74]. Транзит югорской пушнины был налажен арабами через Булгар, Казань и далее на север по Каме.

В 1364 (ПСРЛ, 1848, т. 4, с. 64) и 1366 гг. (ПСРЛ, 1926, т. 1, с. 373) были совершены два похода, причем в первом из них новгородцы под руководством воевод Степана Ляпы и Александра Абакумовича (знатного боярина!) достигли Оби, прошли завоеванием по реке и вернулись с богатой добычей. В это время отношения с Ганзейским союзом крайне обострились, новгородским купцам стали диктовать условия торговли, часто грабили, заключали в «погреб» (Грамоты Великого..., 1949, с. 67) [Костомаров, 1886, с. 192], из чего делается вывод об ослаблении Новгорода на политической арене. После предыдущего подъема, о чем свидетельствует заключение мирных договоров со Швецией (Ореховецкий мир 1323 г.) (Грамоты Великого..., 1949, с. 67) и Норвегией (3 июня 1326 г.) (Там же, 1949, с. 69), а также массовое строительство в самом Новгороде и окрестностях, закономерно наступает период экономического спада, спровоцированного немецкими купцами и, возможно, возникшим конфликтом с Тверью [Соловьев, 1993, с. 337]. В этой ситуации стали необходимы новые походы, так как потребность в пушнине резко возросла. Ганзейские купцы начинают выдвигать все более жесткие требования: весь товар тщательно осматривался, к мехам требовали надбавки, которая рассматривалась как компенсация в случае недоброкачественного товара, в то время как новгородские купцы подобных прав не имели. К тому же следует упомянуть еще об одном событии: в 1364 г. князь Дмитрий Иванович захватывает пермские земли, которые к тому времени перечисляются в списке Новгородских владений. Иными словами, новгородцы теряют сырьевую базу в самый неподходящий момент.

На наш взгляд, именно эти события толкают новгородцев на дальнейшее продвижение в восточном направлении. Одновременно с потерей Перми совершается поход по Оби. В новгородской 4-й летописи под 1364 г. есть следующая запись: «Въ году 6872 Ходиша новгородци люди молодья со Степаном Ляпою на Югру воевати <...> Той зимы с Югры приехали дети боярския и люди молодья с воеводами Александром Аввакумович и Степаном Ляпою, воевали по реке Оби, а двиняне стали против них полком, но были разбиты» (ПСРЛ, т. 4, 1848, с. 64).

В 1366 г. возникает конфликт Новгорода все с тем же московским князем Дмитрием, причиной которого стал поход новгородских ушкуйников и ограбление болгарских купцов и ряда русских городов. Этот сюжет хорошо описан в литературе. Однако в Типографской летописи, в отрывке, посвященном этому событию, содержится информация о походе новгородцев в Двинскую землю: «Посланные же от великого князя Дмитрия Иоанновича поймали на Вологде боярина новгородского Василия Даниловича с сыном его Иваном, а он ехал с Двины, того не ведая, не остерегаясь. И много волости воевали, дань великую по Двине, и по Югу, и по Купину взяли» (ПСРЛ, 2000, т. 16, с. 217).

Возвращаясь к конфликту с Тверью, следует отметить, что в 1372 г. новгородцы отвоевали

Торжок, но в том же году Михаил тверской снова вернул себе Торжок, позже заключил новый союз с Литвой. В 1375 г. после короткого перемирия Дмитрий московский подошёл с войском к Твери, поддержанный новгородцами, он заключил мир с Михаилом тверским [*Соловьев*, 1993, с. 313]. По одной из глав договора Михаил обязался «не искать Новгорода» (ПСРЛ, 1848, т. 4, с. 70), т.е. отказаться от своих претензий на Новгород и возратить все награбленное в Торжке. Новгородцы же укрепились с новоторжцами крестным целованием.

В то же время был совершен поход на немецкий городок: «Ходиша новгородци люди молодья со псковичами к Нову граду немецкому, а воеводой у новгородцев былъ Александр Аббакумовичъ <...> и отыдоша не взявши: занеже бяшетъ твердъ, лишь все пожгли» (ПСРЛ, 1848, т. 4, с. 71). Причиной похода, как можно предполагать, стало усиление натиска на Псков с Запада. Затем новгородцы вернулись и поссорились с псковичами, которые «одни сожгли Киремпе и множество добычи взяша, вернулись назад все целы» (Там же). После этого новгородцы подписали с ливонцами перемирие, однако под 1377 г. мы видим запись: «Въ льто 6885. Ходиша изъ Новгорода людя молодья к Новому городку на Овль на реце, к Немечкому, и стояша подъ градомъ много дний, и посад весь взяша, и волость всю потравиша и полона много приведеша в Новгород, и сами вси придоша по здорову с воеводою Иваномъ Фёдоровичемъ, Василий Борисовичъ, Максим Онаньиницъ» (ПСРЛ, 1888, т. 3, с.379). Повторный поход, судя по всему, был вызван новыми попытками немцев вторгнуться на территорию новгородских и псковских земель.

Из всего сказанного видно, что после конфликта с Москвой (обострение которого приходится на 1366 г.) в «Северном Страже» вновь консолидируются силы и Господин Великий Новгород (титул впервые появляется в конце XIV в. после «Нибурова мира» [*Янин*, 2008, с. 242]) начинает активную внешнеполитическую деятельность. В то же время нельзя не отметить, что оба похода новгородцев на восток совершены в моменты наивысшего напряжения.

Положение Новгорода изменилось в начале XV в., когда намечается новый экономический подъем. Северорусские купцы начинают предъявлять ганзейцам требования о ликвидации неравных условий торговли и предоставлении новгородцам «чистого пути за море» (Грамоты Великого..., 1949, с. 86). В области торговли активность новгородской политики значительно возрастает. К примеру, в грамоте 1417 г. городам Риге, Юрьеву и Колыване говорится о прекращении торговли, пока не будет утверждён прежний мир, т.е. не возвращены права равной торговли (Грамоты Великого..., 1949, с. 93), а в 1436 г. Новгород становится «третичным судьей» и ведёт переговоры по возвращению захваченных за границей московских купцов (Там же, 1949, с. 109).

Одновременно с этим в 40-х гг. XV в. Новгород вступил в очередную стадию противостояния с Москвой. В разгар феодальной войны новгородцы заняли сторону Дмитрия Шемяки, противника великого князя Василия, что дало последнему основание в 1441 г. начать войну с Новгородом [*Костомаров*, 1886, т. I, с. 139]. В это время литовский князь Казимир стал предлагать новгородцам свою помощь, впрочем, они еще не решались ею воспользоваться [Там же, с.141]. Положение усугублялось начавшейся в 1443 г. войной с Ливонским орденом, заключившим союз с королём трёх скандинавских государств Кристофором против «неверных» русских, что означало восстановление коалиции Ордена и шведских феодалов, которая дважды угрожала Новгороду в предшествующие века (в 40-х гг. XIII в. и 40-х гг. XIV в.).

В 1445 г. совершается последний поход новгородцев в Югру (ПСРЛ, 1888, т. 3, 426]. Сведения о походе содержатся в Новгородской летописи по синодальному харатейному списку. Интересующие нас данные записаны полууставом в списке Археографической комиссии в середине XV в. [Там же, с.7], т.е. непосредственно после самого события. Вследствие экономического подъема Новгорода появляется новая возможность монополизации транзита пушнины с востока на запад, из чего возникает необходимость в новом походе и закреплении новгородских прав в Югре. Однако Новгороду, запутанному в феодальную войну, так и не удалось противостоять Ганзе. Наличие информации о воеводах (Василий Шенкурский и Михаил Яколь) еще раз подтверждает тезис о значимости таких походов для Новгорода.

В заключение следует отметить, что это последний поход новгородцев на восток. В 1465 г. Великий князь Иван Васильевич приказал Василию Скрыбе совершить поход на Югру (ПСРЛ, 1982, т. 37, с. 46). С этого времени Югорская земля входит в зону интересов Московского княжества, при этом цели Москвы не отличались от новгородских – поставить транзит пушнины под свой контроль.

Таким образом, как показывает конкретно-исторический анализ, помимо внешней конкуренции (пушная торговля Волжской Булгарии, арабских торговцев, Москвы) причиной восточной экспансии Новгорода были периодические внутренние кризисы, необходимость разрешения которых толкала новгородцев к поиску внешних ресурсов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М., 1949.
Договорная грамота Новгорода с Великим князем Тверским Ярославом Ярославичем (первая и вторая), писанные 1265 г. // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч.1
Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. I: Лаврентьевская летопись. Вып. I: Повесть временных лет. Л., 1926.
ПСРЛ. Т. 3: Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888.
ПСРЛ. Т. 4: Новгородская IV летопись / Изд. Археогр. комиссии. СПб., 1848.
ПСРЛ. Т. 16: Типографская летопись. М., 2000.
ПСРЛ. Т. 26: Вологодско-пермская летопись. М., 1959.
ПСРЛ. Т. 37: Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982.
Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, В.Г. Тизенгаузена. Т.I: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.

Библиографический список

- Ал-Гарнати*. Ясное изложение некоторых чудес Магриба, или выборка воспоминаний о чудесах стран // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2009. Т. 3.
Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.
Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Вып. 4.
Костомаров Н. Северорусское Народновластие во времена удельно-вечевого уклада (история Новгорода, Пскова, Вятки). СПб., 1886. Т.I.
Лихачев Д. С. «Повесть временных лет» (историко-литературный очерк) // Повесть временных лет / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. СПб., 1996.
Напольских В.В. Вятка, Джулман, Югра и Сибирь в арабском источнике первой половины XIV в. // Вопросы ономастики. 2006. № 3.
Плигузов А.И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М., 1993.
Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли. М., 1978.
Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. М., 1993. Т. 3.
Федорова Н.В. Западная Сибирь и мир средневековых цивилизаций: история взаимодействия на торговых путях // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. 4(12).
Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода в XIV–XV вв. М., 1963.
Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013.
Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.

Дата поступления рукописи в редакцию 24.02.2015

NOVGOROD EXPANSION TO THE EAST IN XII-XV CENTURIES

V. V. Menshchikov, N. V. Pertsev

Kurgan State University, Sovetskaya str., 63, 640020, Kurgan, Russia
vmen1@yandex.ru
pertsev1991@list.ru

The paper discusses the Novgorod campaigns to Yugra in the 12th-15th centuries. The Novgorod Republic was the richest land in Russia in the period of fragmentation. It is considered that one of the causes for that was a good geographical location, allowing Novgorod to establish trade with Western European countries. Another reason was Novgorod specific relationship with the Horde, because Novgorod was not involved in the Mongolian dependence due to the activity of the Grand Duke Alexander Yaroslavich. Concrete historical analysis was made based on the study of Russian chronicles, as well as pre-revolutionary, the Soviet, and modern historiography. The authors analyze Novgorod competition with the other participants of fur trade (Volga Bulgaria, Moscow, German and Arab merchants). Until the 14th century, the demand of the European market for fur was satisfied by own Novgo-

rod resources. The ecological crisis and the simultaneous change in demand since the 14th century the Novgorodians to look for new sources of fur. It was at that time that the Novgorod merchants paid attention to the so-called Yugra, a territory located to the north-east of the Novgorod land and, supposedly, being “expanded” to the east as the Novgorodians moved further. Yugra, formally subordinated to Novgorod, from time to time became the object of the Novgorod military aggression. The reasons for the aggression were economic and political crises in Novgorod. Since the second half of the 15th century, Yugra entered the zone of interests of Moscow principality, with the note that the purpose of Moscow did not differ from Novgorod one and was the desire to put transit fur under control. The last independent campaign of Novgorod to Yugra was implemented in 1445. The conclusion is that one of the reasons for the eastern expansion of Novgorod were periodic internal crises pushing Novgorodians to the need to resolve their search for external resources.

Key words: Novgorod, Yugra, fur trade, chronicles.

References

- Al-Garnati, Abu Hamid, (2009), “Clear presentation of some wonders of the Maghreb, or a selection of memories about the wonders of countries”, in *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov* [The Ancient Rus in the light of foreign sources], Vol. III, Russkiy Fond sodeystviya obrazovaniyu i nauk, Moscow, Russia, pp. 137-146.
- Contractual Charter of Novgorod and Grand Prince of Tver Yaroslav Yaroslavich (first and second), written 1265 (1813), in *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v kollegii inostrannykh del* [Collection of state charters and treaties, stored in the Ministry of Foreign Affairs], Vol.1, Tipografiya N. S. Vsevolozhskogo, Moscow, Russia.
- Etkind, A. (2013), *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii* [Internal colonization. Imperial experience of Russia], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 448 p.
- Fedorova, N.V. (2002), “Western Siberia and the world of medieval civilizations: the history of interaction on trade routes”, in *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia], Vol. 4 (12), Izdatel'stvo IAE SO RAN, Novosibirsk, Russia, pp.91-101.
- Gerberstein, S. (1988), *Zapiski o Moskovii* [Notes about the Muscovy], Izd-vo MGU, Moscow, Russia, 430 p.
- Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova* (1949) [Diplomas of Veliky Novgorod and Pskov], Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, Moscow, Russia, 409 p.
- Horoshkevich, A.L. (1963), *Torgovlya Velikogo Novgoroda v XIV–XV vv.* [Trade of Great Novgorod in XIV-XV centuries], Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Moscow, Russia, 368 p.
- Istoriko-filologicheskii sbornik Komi filiala AN SSSR* (1958) [Historical-philological collection of the Komi branch of the Academy of Sciences of the USSR], Issue 4, Syktyvkar, Russia, pp. 257-271.
- Kostomarov, N. I. (1886), *Severorusskoe Narodovlastie vo vremena udel'no-vechevogo uklada (istoriya Novgoroda, Pskova, Vyatki)* [North Russian Democracy during the appanage-Veche of life (history of Novgorod, Pskov, Vyatka), Vol. I, Pechatnyy dom M. M. Stasyulevicha, St. Petersburg, Russia, 473 p.
- Likhachev, D. S. (1996), ““The Tale of bygone years” (the literary-historical essay)”, in Adrianova-Peret' V. P. (ed.), *Povest' vremennykh let* [The Tale of bygone years], Nauka, St. Petersburg, Russia, 667 p.
- Napolsky, V.V. (2006), “Vyatka, Djulman, Ugra and Siberia in the Arabic source of the first half of the 14th century”, *Voprosy onomastiki*, № 3, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Ekaterinburg, Russia, pp. 65-76.
- Pliguzov, A.I. (1993), *Tekst-kentavr o sibirskikh samoedakh* [Text-centaur on Siberian Samoyeds], Arkheologicheskii tsentr, Moscow, 160 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey, T. I: Lavrent'evskaya letopis'. Vyp. I: Povest' vremennykh let.* (1926) [Full collection of Russian Chronicles, Vol. I: Lavrent'evskaya letopis', Issue. I: Povest' vremennykh let], Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Leningrad, Russia. 379 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey, T. III: Novgorodskaya letopis' po Sinodal'nomu kharateynomu spisku* (1888) [Full collection of Russian Chronicles, Vol. III. The Novgorod Chronicle of the Synodal Haratene List], Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, St. Petersburg, Russia, 570 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey, T. IV: Novgorodskaya IV letopis'* (1848) [Full collection of Russian Chronicles, Vol. IV. Novgorod IV chronicle], Tipografiya Eduarda Pratsa, St. Petersburg, Russia, 570 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey, T. XVI: Tipografskaya letopis'* (2000) [Full collection of Russian Chronicles, Vol. XVI. Typographic Chronicle], Izdatel'skiy dom “Yazyki slavyanskikh kul'tur”, Moscow, Russia, 570 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey, T. XXVI: Vologodsko-permskaya letopis'* (1959) [Full collection of Russian Chronicles, Vol. XXVI. The Vologda-Perm chronicle], Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Moscow, Russia, 570 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey, T. XXXVII: Ustyuzhskie i Vologodskie letopisi XVI–XVIII vv.* (1982) [Full collection of Russian Chronicles, Vol. XXXVII. Ustyug and Vologda chronicles of the XVI-XVIII centuries], Nauka, Leningrad, Russia, 570 p.
- Rybina, E. A. (1978), *Arkheologicheskie ocherki istorii novgorodskoy trgovli* [Archaeological Essays on the History of Novgorod Trade], Izdatel'stvo MGU, Moscow, Russia, 170 p.
- Sbornik materialov, otosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy, V.G. Tizengauzena. T.I: Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh* (1884), [Collection of materials relating to the history of the Golden Horde, V. G. Tizengauzen. Vol. I. Extracts from the Arab writings], St. Petersburg, Russia, 580 p.
- Solovyev, S. M. (1993), *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [History of Russia from ancient times], Vol. III., Moscow: “The Voice”, 1993. 768p.
- Yanin, V.L. (2008), *Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda* [Essays on the history of medieval Novgorod], Izdatel'skiy dom “Yazyki slavyanskikh kul'tur”, Moscow, Russia, 400 p.